

Е.А. Коваль

Соотношение долженствования и возможности: моральные аспекты выбора религиозной личности*

Коваль Екатерина Александровна – доктор философских наук. Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Российская Федерация, 430003, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6.

ORCID: 0000-0003-0069-5335

e-mail: nwifesc@yandex.ru

Выбор варианта поведения, а также нормы, которой следует руководствоваться в конкретной ситуации, тем сложнее, чем с большим количеством нормативных предписаний сталкивается личность. Данная статья посвящена специфике морального выбора религиозной личности в проблемных жизненных ситуациях (в качестве примера используется моральный выбор православного христианина, принадлежащего к РПЦ). В частности, рассмотрена ситуация, связанная с расторжением брака. В ней религиозной личности предъявляются нормы, содержащие разный объем требований: норматив канон (развод запрещен, единственный нормативный повод – измена одного из супругов) и норма, сформулированная современными церковными органами (развод запрещен,

* Отдельные результаты исследования апробированы в рамках доклада на XIII Международной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2021. Этика как наука и профессия». Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2021 г. The selected results of the study were tested as part of the report at the XIIIth International Conference «Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects – 2021. Ethics as Research and Profession». St. Petersburg, November 18–20, 2021.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика». Автор выражает благодарность рецензентам и д.ф.н. А.В. Прокофьеву за ценные замечания и конструктивное обсуждение текста. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44239 «Normative Dimensions of Christian Canons: Tradition and Dynamics». The author is grateful to the reviewers and Prof. A.V. Prokofiev for valuable comments and constructive discussion of the text.

однако допускается при наличии одного из одиннадцати поводов). Сложная дилемма возникает при выборе между каноном и новой нормой. Если такой выбор осуществляется компетентным правоприменителем (епископ, священнослужитель), используются принципы икономии (снисхождения) или акривии (буквального следования каноническому правилу). Если выбор делает человек, не принадлежащий клиру, и применительно к собственной жизненной ситуации, то он может ориентироваться либо на нормативную формулировку принципа «должен, значит можешь», которая расширяет его ответственность, либо на формулировку «без возможности нет долженствования», которая ее ограничивает.

Ключевые слова: долженствование, нормативность, «должен, значит можешь», «без возможности нет долженствования», канон, нормативные документы РПЦ, икономия, акривия, моральный выбор

Введение

Моральный выбор – один из неотъемлемых атрибутов человеческой жизни. Сложно представить себе человека, который никогда не вставал перед выбором между добром и злом, а в более сложных и неоднозначных ситуациях – между большим или меньшим добром или злом. Специфика морального выбора определяется рядом факторов: особенностями нормативных положений, которыми оперирует моральный субъект, особенностями ситуации (место, время, вовлеченные лица и пр.), характеристиками самого субъекта (групповая принадлежность, психологические параметры личности, особенности морального характера, совокупность моральных убеждений и т.д.).

На первый взгляд, наименьшие затруднения в ситуации морального выбора испытывают индивиды со стойкой групповой идентификацией, ориентирующиеся на специальные нормативные предписания, адресованные членам группы – профессиональные этические кодексы, религиозно-нравственные заповеди и т.д. Однако при более пристальном рассмотрении данное утверждение можно опровергнуть. Наличие профессионального этического кодекса часто не упрощает выбор, а подчеркивает более широкий круг дилемм, с которыми сталкивается личность: это дилеммы, связанные с профессиональной деятельностью, и дилеммы, актуальные для любого человека, вне зависимости от его принадлежности к той или иной профессиональной группе. Аналогичная ситуация складывается в религиозном контексте. Религиозная личность может апеллировать к детальным религиозно-нравственным кодексам, но, с другой стороны, их предписания могут конкурировать по степени значимости и применимости к конкретной ситуации как друг с другом, так и с предписаниями, принадлежащими другим нормативным системам.

Данная статья посвящена анализу морального выбора религиозной личности (на примере православного христианина, принадлежащего к РПЦ) в ситуации развода, когда возможно следование нормам канонического права, отличающимся по объему предъявляемых требований: древним канонам либо современным нормативным церковным установлениям. Сам по себе выбор

нормы, которой следует руководствоваться в подобных ситуациях, – это уже поступок. Человеку приходится самостоятельно определять содержание и объем долженствования и его соотношение с собственными возможностями.

Долженствование и возможность в каноническом праве и нормативные коллизии в сознании современной православной личности

Понятие «каноническое право» неоднозначно, интерпретация его содержания зависит от контекста. Так, например, в западно-христианской традиции понятия «каноническое право» и «церковное право» не совпадают. Если каноническое право – это древние нормы, которые имеют церковное происхождение (правила вселенских и поместных соборов, отдельных епископов), но регулируют как внутрицерковные, так и отдельные светские отношения, то церковное право – нормы, направленные на регулирование исключительно внутрицерковных отношений, но имеющие различное происхождение (как церковное, так и светское).

В восточно-христианской традиции подобного рода дифференциация не проводится, поэтому анализируемые понятия используются как синонимы. В каноническое (церковное) право входят нормы, регламентирующие как внутреннюю жизнь церкви, так и взаимоотношения церкви с государством, обществом, иными религиозными образованиями [Ференс-Сороцкий, 2009, 144–145]. Далее как само понятие канонического права, так и нормы, входящие в него, будут использоваться в восточно-христианском понимании.

Каноны – древние нормы, принятые в первом тысячелетии христианской эпохи, представляют собой уникальные социальные регуляторы, поскольку сочетают в себе разные типы нормативности. Если догматы – это религиозные нормы, отдельные заповеди – религиозно-нравственные, то каноны – это одновременно правовые (дисциплинарные), религиозные (по субъекту их принятия) и моральные нормы. Исполнение канонов не обеспечивается силой принуждения, а контроль за исполнением норм часто возлагается на самого субъекта, что характерно для морали. Следовательно, и вопрос о применении канонов в современном мире – это предмет не только правового или религиозного, но и морального выбора.

В некоторых случаях религиозной личности одновременно предъявляются не совпадающие по объему требований каноны и новейшие нормативные церковные установления (на примере нормативных документов РПЦ).

Следование древним канонам для современного члена церкви – это идеал, долгосрочная вдохновляющая цель, начинать движение к которой нужно здесь и сейчас. Современные нормы церковного права отличаются от канонической «буквы» и представляют собой своеобразную адаптацию неизменной догматической и религиозно-нравственной составляющей канонов (их «духа») к существенно изменившимся со времени их принятия обстоятельствам жизни человека и общества. Ведущая тенденция изменений канонического права – переход от более строгих норм к менее строгим, однако без отмены

канонов, которые «...неизменно сохраняют свое значение критерия церковного законодательства и фундаментальной основы церковного правосознания» [Цыпин, 2009, 618].

Решение выполнить одно обязательство в ущерб другому по своему эмоциональному накалу выходит за пределы конфликта религиозных норм («старой» и «новой»), поскольку древние каноны никто не отменял, они продолжают быть ядром канонического права, действующими нормами, адресованными верующим. В результате выбор в пользу более нового и мягкого правила у религиозной личности может вызывать чувство вины, обострять осознание собственного морального несовершенства. Такой выбор не предполагает применения религиозно-правовых санкций; в большей степени ему адекватны моральные санкции (одобрение или порицание религиозного сообщества, стыд, угрызения совести).

Необходимо отметить, что далеко не всегда имеется расхождение между канонем и современной церковной нормой. Так, например, эвтаназия в православной традиции относится к ненормативным практикам. В канонах содержится запрет на самоубийство в целом (14-е правило Тимофея Александрийского) [Правила святых апостол, 2011, 720–722], а обоснование запрета непосредственно эвтаназии содержится в разделе XII.8 документа «Основы социальной концепции РПЦ», принятого Архиерейским Собором в 2000 г. [Основы социальной концепции].

Похожая ситуация характерна для такой практики, как аборт. Канонические правила запрещают аборт и приравнивают его к намеренному убийству вне зависимости от срока прерванной беременности («Тонкаго различения плода образовавшегося, или еще не образованного у нас несть» [Правила святых апостол, 2011, 352]). Аналогичным образом оценивается и деятельность лиц, предоставляющих женщинам abortивные средства¹. Изначально лицам, нарушившим канонические правила об abortе, разрешали причащаться только перед смертью, однако уже в 21-м правиле Анкирского собора 314 г. указывается: «Изыскивая же нечто более снисходительное, мы определили таковым проходит десятилетнее время покаяния, по степеням установленным» [Каноны или Книга правил, 2016, 78]. В современных нормах, в частности, в разделе XII.2 «Основ социальной концепции РПЦ» со ссылкой на каноны обосновывается недопустимость abortа, хотя точная санкция (длительность епитимии) не устанавливается. Поскольку вопрос о наложении епитимии находится вне компетенции «рядового» верующего, можно сказать, что расхождения между канонем и новой нормой не наблюдается.

В качестве проблемной практики, регулируемой обозначенными выше типами норм (канон и новое церковное правило) рассмотрим развод, акцентируя при этом внимание на нормативных затруднениях, испытываемых личностью, вынужденной выбирать релевантную ситуации норму.

Несмотря на то, что каноны регулируют только церковный брак и, соответственно, признать утратившим каноническую силу можно только его, но

¹ Правило 91 Шестого Вселенского Собора [Правила святых апостол, 2011, 570–573]; правило 21 Анкирского Поместного Собора [Каноны или Книга правил, 2016, 78].

не союз, зарегистрированный государством, для религиозного человека даже вопрос расторжения брака в органах ЗАГС представляет собой моральную дилемму. Это связано с тем, что РПЦ признает такой брак, и в сообществе верующих он не интерпретируется как ненормативная практика. Более того, согласно действующему церковному законодательству «совершение венчания до государственной регистрации брака допускается исключительно по благословению епархиального архиерея и в особых случаях» [О канонических аспектах]. Если супруги, вступившие в церковный брак, расторгают его в органах ЗАГС, это не влечет за собой автоматического прекращения церковного брака и «...не является препятствием для вынесения церковной властью самостоятельного суждения и собственного решения по долгу пастырского попечения...» [Там же]. Впрочем, церковное священноначалие должно руководствоваться канонами и новейшими нормативными установлениями РПЦ.

Согласно новозаветным текстам и древним канонам, признание брака утратившим силу и повторное вступление в брак возможно только в случае совершения одной из сторон греха прелюбодеяния (Мф. 5:31–32, Мф. 19:3–12, Мк. 10:2–12, Лк. 16:18, 1 Кор. 7:10–18, 14-е правило Гангрского Собора, 115-е правило Карфагенского Собора, 9-е правило свт. Василия Великого и др.).

Однако уже с IV в. в поисках компромисса между церковным и светским византийским законодательством перечень оснований для расторжения брака в номоканонах² начинает расширяться. С. Григоровский отмечает, что первый компромиссный закон о бракоразводных отношениях был принят в 331 г. при императоре Константине Великом: государство согласилось в принципе ограничить свободу разводов, а церковь – признать иные основания, помимо прелюбодеяния [Григоровский, 1911, 18]. При императоре Юстиниане сформировался перечень оснований, впоследствии включенный в Кормчую книгу, которая использовалась в России для регулирования, в том числе, брачно-семейных отношений.

Постепенно число нормативных оснований для развода увеличивалось. В РПЦ вопрос о необходимости существенных изменений поводов и оснований для развода наиболее принципиально был поставлен Обер-Прокурором Святейшего Синода П.П. Извольским. Особое Совещание при Святейшем Синоде работало над этим вопросом в 1907–1909 гг. и пришло к выводу о необходимости нормативного закрепления таких оснований, как «душевная болезнь, сифилис, жестокое обращение, намеренное оставление и уклонение из православия» [Там же, 229]. Обсуждение новых оснований для развода было обусловлено объективными обстоятельствами. Так, например, «уклонение из православия» при наличии уголовной ответственности осуществлялось крайне редко, однако Указом от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» было отменено наказание за переход из православия [Именной Высочайший Указ, 1907]. В результате возникла проблема, когда один из супругов «уклонялся из православия», а второй продолжал исповедовать православную веру. В таких условиях продолжение брака часто становилось невозможным.

² Сборники, в которые включаются как нормы церковного права, так и государственные установления, касающиеся церкви.

Однако результаты работы Особого Совецания в полном объеме не были претворены в жизнь.

Поместный собор 1917–1918 гг., который отказался признать как гражданский брак, так и гражданский развод, тем не менее ссылался на допустимость снисхождения в этих вопросах «в предупреждение неизбежных преступлений и в облегчение невыносимых страданий» [Определение от 7 (20) апреля 1918 г., 1918, 61] и закрепил 11 поводов к расторжению брака: практически все они фигурируют и в новейших нормативных документах РПЦ («Основы социальной концепции РПЦ», 2000 г., «О канонических аспектах церковного брака», 2017 г.). Упразднены присуждение одного из супругов к наказанию, соединенному с лишением прав состояния, и «снохачество, сводничество и извлечение выгод из непотребства супруга» [Там же, 62]. Вместо них введены такие поводы, как хронический алкоголизм или наркомания, подтвержденные медицинскими документами, и аборт (если жена сделала аборт без согласия мужа или муж принудил жену к аборту) [О канонических аспектах].

На первый взгляд, постепенное расширение перечня оснований и поводов для развода свидетельствует о негативных тенденциях в церковном нормотворчестве, нравственной деградации членов церкви, игнорирующих требования, зафиксированные в канонах, и допускающих расторжение брака только в случае супружеской измены. Однако анализ содержания тех поводов, которые закреплены в новейших церковных актах, показывает, что они, фактически, свидетельствуют о том, что брак перестал существовать. То, что понимается под церковным браком, уничтожено. Такая интерпретация позволяет проблематизировать вопрос о долженствовании, направленном на сохранение того, что прежде было браком, любой ценой, однако не снимает его полностью.

Можно предположить, что в обозначенных выше проблемных ситуациях религиозной личности в процессе выбора приемлемой нормы придется столкнуться с определением соотношения долженствования и возможности. Это позволит определить пределы моральной ответственности и критерии оценки и самооценки последствий результатов сделанного выбора. В этой связи для описания моральных характеристик ситуации выбора адекватной нормы представляется перспективным обратиться к ключевым закономерностям определения соотношения долженствования и возможности.

Соотношение долженствования и возможности в контексте принципов икономии и акривии

Для разрешения неоднозначных ситуаций, к которым относится, в частности, развод, церковный законодатель и правоприменитель может оперировать принципами икономии и акривии.

Акривия представляет собой принцип строгости и точности применения церковных норм. Икономию чаще всего связывают с проявлением снисхождения к человеку, который в силу меняющихся обстоятельств не может следовать строгому каноническому правилу или исполнять епитимию (церковную санкцию) в полном объеме. В таком значении принцип икономии фигурирует

уже в древних канонах, когда правоприменителю предоставляется возможность сократить срок епитимии при надлежащем покаянии³.

Игнорирование принципа акривии может привести к самооправданию и способствовать формированию практик, не свойственных церковным дисциплинарным и моральным установлениям. Постоянное пополнение списка исключений из правила дискредитирует и само правило, и практики, которые им регулируются. Однако пренебрежение принципом икономии, следование исключительно «канонической букве» противоречит духу канонического права и может привести к появлению сектоподобных сообществ, в которых вместо следования евангельскому призыву «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48) происходит погружение в глубины морально-го невежества. «Буквалистская» интерпретация канона в некоторых случаях не только нецелесообразна, но и опасна.

Компетентными субъектами, правомочными осуществлять выбор между икономией и акривией, являются епископы и пресвитеры, которым делегируются соответствующие полномочия. Они определяют, насколько строгое долженствование может быть возложено на конкретного человека в определенной ситуации, чтобы это способствовало главной цели – спасению души. Однако в православной традиции далеко не всегда проблема может быть разрешена священнослужителем. Любой человек, обладая свободой воли, принимает итоговое решение сам⁴.

В условиях нормативного плюрализма выбор руководящего правила выходит за пределы отдания предпочтения одной из религиозных норм, приобретая характеристики морального выбора. Моральный выбор – это компетенция каждого верующего, вне зависимости от принадлежности к клиру. В этой связи для определения специфики моральных аспектов выбора религиозной личности представляется перспективным определить соотношение принципов икономии и акривии с формулировками принципа «должен, значит можешь» и «без возможности нет долженствования».

«Должен, значит можешь» и/или «без возможности нет долженствования» в ситуации выбора

Соотношение долженствования и возможности может быть описано при помощи принципа, имеющего различные формулировки, каждая из которых отражает определенные смысловые акценты в его интерпретации. Так, например, в русском языке это формулировки «должен, значит можешь» и «без возможности нет долженствования», различия между которыми подробно описывает А.В. Прокофьев [Прокофьев, 2003]. В англоязычных текстах показываются различия, например, между «ought implies can» и «must implies can» [Kürthy, Del Prete, Barlassina, 2022], подчеркивается необходимость дифферен-

³ См., например, вышеупомянутое 21-е правило Анкирского собора.

⁴ Здесь принципиальное отношение имеет вопрос послушания духовнику, который выходит за пределы данного исследования.

цировать модальности возможности (can) в различных контекстах (например, эпистемическая и онтологическая модальности) [Scholten, 2021] или использовать вместо понятия «возможность» (can) понятие осуществимости или выполнимости (feasibility) [Southwood, 2016] и др.

В зависимости от контекста более уместным может быть тот или иной смысловой акцент и соответствующая формулировка принципа.

Можно предположить, что формулировка «должен, значит можешь» имеет нормативный характер, является руководством к действию, влияет на мотивацию, когда нет желания исполнять нравственное требование ввиду значимости ущерба, который придется понести в случае следования долгу.

Формулировка «без возможности нет долженствования» имеет, скорее, морально-психологический смысловой акцент и, как отмечает В. Бакуолтер, не только не является руководством к действию, но даже препятствует таковому [Buckwalter, 2020, 91]. Именно в такой формулировке принцип применяется к проблеме формирования адекватной конкретной ситуации оценки и самооценки. Возможность позволяет ограничивать долг таким образом, чтобы не возлагать на морального субъекта «бремена неудобноносимые». И именно такая формулировка наиболее доступна для критики. Так, например, Прокофьев довольно убедительно доказывает, что принцип этически несостоятелен и интуитивно не очевиден. Для этого используется интересный аргумент, согласно которому «стремление к общепризнанно невозможному является неотъемлемой чертой морального сознания» [Прокофьев, 2003, 74].

Определение морального долга как стремления к невозможному коррелирует с нормативно окрашенной сильной формулировкой: если должен стремиться к невозможному, значит, можешь. И если моральный характер этого не позволяет, значит, следует его менять, поскольку данный вопрос находится во власти человеческой воли. Однако на поприще укрепления стойкости морального характера крайне важно не допустить формирования так называемого морального невежества (moral ignorance) [Hicks, 2022, 1060], когда моральный субъект фанатично следует своим убеждениям, не способен к их проверке и критическому пересмотру, всегда действует в соответствии с ними, не задумываясь о том, что они могут совершенно не соответствовать морали. Если предметом выбора являются нормы, источник которых особенно авторитетен для личности (в рассматриваемых выше случаях – каноны, освященные авторитетом соборов и святых отцов), предостережение, связанное с моральным невежеством, приобретает особую актуальность.

Концептуализация различий между формулировками принципа довольно ярко представлена в кантовских рассуждениях. Так, Прокофьев отмечает, что анализируемый принцип, понимаемый как способ ограничения сферы моральной ответственности, используется Кантом для описания влияния внешних ограничений, в то время как «...бескомпромиссная формулировка “должен, значит можешь” применяется им только для тех случаев, когда речь идет о субъективно-психологической невозможности совершать определенные действия или о рациональной минимизации жертвенности» [Прокофьев, 2003, 76]. Не могут послужить извинением ссылки на некие эмпирические обстоятельства, поскольку моральный закон – это закон разума.

В самом деле, субъект несет ответственность за качество своей воли, поэтому не могут быть приняты ограничения долженствования в случае необходимости исполнения морального закона. Более того, одной только доброй воли может быть недостаточно для оценки поступка, необходимо еще и приложение усилий, всех способов достижения нравственно одобряемой цели в конкретной ситуации, чтобы эта воля «...сверкала бы подобно драгоценному камню сама по себе как нечто такое, что имеет в себе свою полную ценность» [Кант, 1994, 162]. Таким образом, формулировка «должен, значит можешь» указывает на то, что человеку не нужны какие-либо средства для достижения цели или специальные указания, ситуативное отсутствие или недостаточность которых может послужить основанием для отказа от исполнения долга и аннулирования оснований моральной ответственности. Однако

...нравственная ответственность может быть лишь ответственностью за качество воли, что исключает возможность обоснованных порицаний в случае, когда какие-либо внешние результаты исполнения нравственной нормы не были бы достигнуты или когда сила обстоятельств завела бы нас в ситуацию непредвиденного «морального конфликта» [Прокофьев, 2003, 76–77].

Следовательно, для характеристик влияния внешних процессов на достижение нравственных целей вполне подходит формулировка «без возможности нет долженствования».

Обозначенные различия могут быть полезными в ситуации выбора релевантной нормы: личность не только проявляет добрую волю, но и пытается определить и применить доступные в конкретном случае способы достижения благой цели. Если при этом не допускается ошибок (поиск возможности избежать моральной ответственности, самооправдание), субъект не подвергается порицанию, даже если цель не достигнута.

Итак, какой нормой преимущественно должен пользоваться современный православный в ситуации с разводом?

Строгий канонический запрет предусматривает единственное легитимное основание для развода, в то время как в новых церковных документах содержится одиннадцать таких оснований. Долг религиозного человека – следовать нормам канонического права. Однако какую конкретно норму выбрать? Канон требует строгого соответствия принципу «должен, значит можешь». Если канонический запрет существует, значит любой член церкви может его исполнить, и никакие внешние обстоятельства или личностные особенности не могут послужить извинением для отказа следовать канону. В современных нормах о разводе имплицитно заложены случаи применения формулировки «без возможности нет долженствования». Так, предположим, что один из супругов страдает алкоголизмом, но о супружеской неверности речи не идет, поэтому по канонам развод невозможен. Однако второй супруг, инициирующий развод со ссылкой на современную норму церковного права, может посчитать невозможным следовать канону по ряду причин: невозможность самостоятельно изменить ситуацию; невозможность сформировать мотивы, побуждающие продолжать жить в браке с лицом, страдающим алкоголизмом; риски для жизни и здоровья, неблагоприятное влияние на детей и иные негативные последствия сохранения брака.

Таким образом, в случае с разводом православному человеку предстоит трезво оценить свои возможности: хватит ли сил для соблюдения канонического идеала, или следует смиренно выбрать икономичную новую норму, учитывая, что без возможности нет и долженствования? Здесь не возникает вопросов в адекватности долженствования, но остаются вариации в интерпретации возможности.

Впрочем, в особо острых ситуациях (например, проявление агрессии со стороны супруга-алкоголика) могут возникнуть сомнения и в адекватности предъявляемого канонического требования. А. Хикс полагает, что адекватное моральное требование и, соответственно, моральное долженствование возникает тогда и только тогда, когда моральный агент (не конкретный и вне конкретной ситуации) может его исполнить и исполнение либо неисполнение зависит только от его свободной воли [Hicks, 2022, 1042]. Моральные теории, которые не учитывают несовершенство индивида, являются идеальными и, фактически, неприменимы в вероятностной реальности, как и, например, идеальные обязательства, не являющиеся прямым руководством к действию и применимые только в качестве эталона моральной оценки [Berg, 2018]. Поэтому следует апеллировать к неидеальным теориям, элементом которых, по мнению Хикс, является и анализируемый принцип: «Я могу согласиться с тем, что я должен делать все, что в моих силах, учитывая мои вполне реальные ограничения, но не могу принять обязательство, согласно которому я должен спонтанно стать всеведущим святым» [Hicks, 2022, 1054].

Однако если сомнений по поводу адекватности канонической нормы нет, ситуация выбора религиозной личности становится еще более трагичной. Выбор между формулировками «должен, значит можешь» и «без возможности нет долженствования» не менее сложен, чем тот, который делает священнослужитель, пытаясь определить, какой принцип следует применить в конкретном случае: акривии или икономии.

Выводы

Итак, для современного православного человека осложняются ситуации выбора, когда наряду с канонами применимы и современные церковные нормы. Строгая формулировка «должен, значит можешь» обязывает следовать авторитетной канонической норме, имеющей такие характеристики, как «неотменяемость» и «вечность». Однако каноны, в отличие от догматов – вероучительных истин, могут применяться с учетом, во-первых, намерений законодателя, а, во-вторых, обстоятельств конкретной ситуации. Фактически, каноны – это авторитетные нормы, к следованию которым следует стремиться, однако при определенных обстоятельствах действие канона не отменяется, но приостанавливается или смягчается, т.е. применяется принцип икономии. Тогда моральное сознание вполне может оперировать формулировкой «без возможности нет долженствования». Трагичность выбора заключается в том, что обе формулировки анализируемого принципа предъявляются моральному субъекту одновременно. При этом природа морального сознания «играет на стороне» строгой формулировки.

Таким образом, знание содержания канонов и новых норм церковного права обязывает принять непростое решение о том, какому принципу отдать предпочтение. Следует ли обязать себя ориентироваться на идеал, поскольку долженствование предполагает возможность следования норме, или необходимо относиться к себе со снисхождением, опираясь на авторитет церковных органов, принимающих нормы с учетом современных обстоятельств, и формулировать моральную оценку поступка и пределы моральной ответственности с учетом того, что без возможности не может быть и долженствования? Вряд ли существует универсальный ответ на данный вопрос. Каждый раз проблема должна быть разрешена заново.

Correlation Between “Ought” and “Can”: Moral Aspects of the Choice of Religious Person

Ekaterina A. Koval

Middle-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (MOJ Russia RLA). 6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-0069-5335

e-mail: nwifesc@yandex.ru

Paradoxically, the choice of a variant of behavior, as well as the norm that should be followed in a particular case, is the more difficult, the more variations of normative prescriptions a person has. This article is devoted to the peculiarities of the moral aspects of choosing by a religious person in problematic life situations (moral choice of an Orthodox Christian belonging to the Russian Orthodox Church is used as an example). In particular, the situation associated with such an ambiguous phenomenon as divorce is considered. A religious person in such a situation is presented with norms that contain a different amount of requirements. Canons prohibit divorce (there is only one exception – the betrayal of one of the spouses). Norms formulated by modern church authorities prohibit divorce, but allow it in the presence of one of eleven reasons. A complex dilemma arises when choosing between the canons and the new norms. If such a choice is made by a competent cleric (bishop, clergyman), the principles of *oikonomia* (indulgence) or *akribeia* (literal adherence to the canon) are used. If a layman makes a choice in a particular life situation, in order to formulate a moral assessment or self-assessment adequate to the case, one of two formulations of a well-known moral principle can be useful: a normative formulation “ought implies can”, that expands responsibility, or a formulation “without ‘can’ there is no ‘ought’”. The latter wording serves as the basis for limiting liability for the choice.

Keywords: ought, normativity, “ought implies can”, canon, normative documents of the Russian Orthodox Church, *oikonomia* (οἰκονομία), *akribeia* (ἀκριβεία), moral choice

Литература / References

Григоровский С. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. Историко-юридические очерки. СПб.: Синод. тип., 1911.

Grigorovsky, S. *Prichiny i posledstviya razvoda i brakorazvodnoe sudoproizvodstvo. Istoriiko-yuridicheskie ocherki* [About Divorce. Causes and Consequences of Divorce and Divorce Proceedings. Historical and Legal Essays]. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya Publ., 1911. (In Russian)

Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Санкт-Петербург: Изд. юридического книжного склада «Право», 1907. С. 47–51.

“Imennoi Vysochaishii Ukaz Pravitel'stvuyushchemu Senatu ‘Ob ukreplenii nachal veroterpimosti’” [Supreme Decree to the Governing Senate “On Strengthening the Principles of Religious Tolerance”], *Zakonodatel'nye акты perekhodnogo vremeni. 1904–1906 gg.: sbornik zakonov, manifestov, ukazov Pr. Senatu, reskriptov i polozhenii komiteta ministrov, odnosyashchikhsya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii, s prilozheniem alfavitnogo predmetnogo ukazatelya* [Legislative Acts of the Transitional Period: 1904–1906: Collection of Laws, Manifestos, Decrees to the Governing Senate, Rescripts and Regulations of the Committee of Ministers Relating to the Transformation of the State System of Russia Supplemented with an Alphabetical Subject Index]. St. Petersburg: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada “Pravo” Publ., 1907, pp. 47–51. (In Russian)

Каноны или Книга правил святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец. Минск: Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2016.

Kanony ili Kniga pravil svyatykh apostol, svyatykh soborov, vselenskikh i pomestnykh, i svyatykh otets [Canons or the Book of Rules of the Holy Apostles, Holy Councils, Ecumenical and Local, and Holy Fathers]. Minsk: Bratstvo v chest' svyatogo Arkhistratiga Mikhaila Publ., 2016. (In Russian)

Кант И. Основоположения метафизики нравов / Под общ. ред. А.В. Гулыги // Кант И. Соч: в 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 153–246.

Kant, I. “Osnovopolozheniya metafiziki нравов” [Groundwork of the Metaphysics of Morals], ed. by A.V. Gulyga, in: I. Kant, *Sochineniya: v 8 t.* [Collected works in 8 Vols.], Vol. 4. Moscow: Choro Publ., 1994, pp. 153–246. (In Russian)

О канонических аспектах церковного брака. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5075384> (дата обращения: 01.06.2022).

O kanonicheskikh aspektakh tserkovnogo braka [On the Canonical Aspects of Church Marriage] [<http://www.patriarchia.ru/db/text/5075384>, accessed on 01.06.2022]. (In Russian)

Определение от 7 (20) апреля 1918 г. «О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью» // Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. Вып. 3. Приложение к «Деяниям» второе. М.: Изд.-во Соборного Совета, 1918. С. 61–64.

Opredelenie ot 7 (20) aprelya 1918 g. «O povodakh k rastorzheniyu brachnogo soyuza, osvvyashchennogo Tserkov'yu» [Decree of April 7 (20), 1918 “On the Grounds for the Dissolution of the Marriage Sanctified by the Church”], *Sobranie Opredelenii i Postanovlenii Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi rossiiskoi tserkvi 1917–1918 gg. Vyp. 3. Prilozhenie k «Deyaniyam» vtoroe* [Collection of the Decrees and Resolutions of the Sacred Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918. Issue 3. Appendix to “Acts” the second]. Moscow: Izdanie Sobornogo Soveta Publ., 1918, pp. 61–64. (In Russian)

Основы социальной концепции РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 01.06.2022).

Osnovy sotsial'noi kontsepcii RPC [The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church] [<http://www.patriarhia.ru/db/text/419128.html>, accessed on 01.06.2022]. (In Russian)

Правила святых апостол и святых отец с толкованиями. М.: Сибирская Благовонница, 2011.

Pravila svyatykh apostol i svyatykh otets s tolkovaniyami [Rules of the Holy Apostles and Holy Fathers with Interpretations]. Moscow: Sibirskaya Blagovonnitsa Publ., 2011. (In Russian)

Прокофьев А.В. Долженствование и возможность // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 69–85.

Prokofiev, A.V. “Dolzhenstvovanie i vozmozhnost” [Debtiness and Possibility], *Voprosy filosofii*, 2003, No. 6, pp. 69–85. (In Russian)

Ференс-Сороцкий А.А. Каноническое (церковное) право // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 6 (287). С. 139–150.

Ferens-Sorotsky, A.A. “Kanonicheskoe (tserkovnoe) pravo” [Canonical (Church) Law], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2009, No. 6 (287), pp. 139–150. (In Russian)

Цыпин В. Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009.

Tsypin, V. *Kanonicheskoe pravo* [Canon Law]. Moscow: Sretenskii monastyr' Publ., 2009. (In Russian)

Berg, A. “Ideal Theory and Ought Implies Can”, *Pacific Philosophical Quarterly*, 2018, No. 99 (4), pp. 869–890.

Buckwalter, W. “Theoretical Motivation of ‘Ought Implies Can’”, *Philosophia*, 2020, No. 48, pp. 83–94.

Hicks, A. “Non-ideal Prescriptions for the Morally Uncertain”, *Philosophical Studies*, 2022, Vol. 179, Issue 4, pp. 1039–1064.

Kürthy, M., Del Prete, F. & Barlassina, L. “‘Must’ implies ‘can’”, *Mind and Language*, 2022, pp. 1–24.

Scholten, M. “Ought Implies Can, Asymmetrical Freedom, and the Practical Irrelevance of Transcendental Freedom”, *European Journal of Philosophy*, 2021, No. 29, pp. 25–42.

Southwood, N. “Does ‘Ought’ Imply ‘Feasible?’”, *Philosophy and Public Affairs*, 2016, No. 1, pp. 7–45.